

Александр Александрович Ягельницкий

доцент кафедры гражданского права МГУ
имени М.В. Ломоносова, магистр юриспруденции (РШЧП),
кандидат юридических наук

Ответственность за недостоверное заявление

Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам
ВС РФ от 11.05.2018 № 306-ЭС17-18368

В известном деле «Магадан Тест» Верховный Суд подтвердил возможность взыскания чистых экономических убытков вне зависимости от специального указания на возможность их взыскания. Автор считает, что дело «Магадан Тест» относится к делам о так называемом небрежном совете, и в целом поддерживает решение Верховного Суда по конкретному делу и заданное направление решения дел о небрежных советах, однако ставит под сомнение корректность использования понятия «абсолютное право» при обосновании решения.

Ключевые слова: чистые экономические убытки, небрежные недостоверные заявления, солидарная ответственность, имущество

Alexander Yagelnitskiy

Associate Professor at the Civil Law Department of Lomonosov Moscow State University,
Master of Jurisprudence (Russian School of Private Law), PhD in Law

Liability for Misstatement

Case Comment on the Judgment of the Chamber for Commercial Disputes of the SC RF No. 306-ЭС17-18368, 11 May 2018

The author comments upon the famous Magadan Test case, where the Supreme Court confirmed that pure economic losses are in principle compensable under Russian law, in spite of the absence of a special rule to that effect. The author classifies the Magadan Test case as a typical negligent misstatement case and supports both the Court's decision to award the losses and its guidelines to lower courts on how to deal with losses caused by negligent misstatements. The author, however, questions the Supreme Court's use of the concept of absolute right as a ground for the conclusion in the case.

Keywords: civil liability, pure economic loss, negligent misstatement, joint and several liability, property

Фактические обстоятельства

Комментируемое определение, уже неоднократно обсужденное на ряде авторитетных цивилистических площадок, вынесено по спору со следующей фабулой. В 2012 г. покупатель ИП Федоров В.А. приобрел в лизинг грузовой автомобиль. Лизингодателем выступило ООО «Лизинговая компания «Сарфининвест», а продавцом — ООО «Энерготехстрой»¹. Грузовой автомобиль был ввезен с территории Китая и сертифицирован органом по сертификации — ООО «Магадан-Тест», которое подтвердило, что автомобиль соответствует 4-му экологическому классу и может быть допущен к эксплуатации на территории РФ. Позже в 2012 г. в отношении ООО «Магадан-Тест» была проведена внеплановая проверка, установившая ряд нарушений законодательства о сертификации в деятельности проверяемого лица. По результатам проверки ряд сертификатов, в число которых вошел сертификат в отношении спорного автомобиля, были аннулированы. В 2015 г. государственная инспекция по безопасности дорожного движения запретила эксплуатацию спорного грузового автомобиля. Истец ИП Федоров В.А. обратился с требованием к ООО «Магадан-Тест» о взыскании убытков, причиненных неверной сертификацией спорного автомобиля, в размере суммы платежей, уплаченных истцом лизингодателю, за вычетом спорного грузового автомобиля, оцененного как металлолом.

Позиция нижестоящих судов

Суд первой инстанции требования истца удовлетворил, сославшись на ст. 15, 393, 1064 ГК РФ. При этом суд не уточнил, полагает ли он взысканный с ООО «Магадан-Тест» вред деликтным или договорным.

¹ Судя по тексту актов нижестоящих судов, первоначально продавцом должна была быть иная организация. Но это не имеет определяющего значения для освещения вопросов, затронутых в комментируемом определении.

Суд апелляционной инстанции решение в части взыскания отменил и в иске отказал, исходя из следующего. Суд детально описал права покупателя при передаче товара ненадлежащего качества, указал, что в силу п. 3 ст. 308 ГК РФ обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (третьих лиц), что ООО «Магадан-Тест» не является стороной обязательства с участием истца и что истец вправе защищать права покупателя способами, прямо урегулированными законодателем. Кроме того, суд отметил, что с учетом наличия обязательственного правоотношения между истцом и лизингодателем истец не доказал, что ООО «Магадан-Тест» причинило ему убытки.

Суд кассационной инстанции, в целом поддержав позицию суда первой инстанции, подчеркнул важность ст. 308 ГК РФ для рассмотрения спора; поддерживая вывод апелляционного суда о недоказанности убытков, отдельно отметил, что между действиями ООО «Магадан-Тест» и убытками истца отсутствует причинно-следственная связь; напомнил, что автомобиль находится у истца. Суд кассационной инстанции также указал, что по смыслу ст. 2, 41 Федерального закона от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» орган по сертификации несет ответственность не перед любым лицом, а перед определенным кругом лиц, в число которых истец не входит.

Позиция Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ

Коллегия отвергла выводы судов апелляционной и кассационной инстанций, установила в качестве основания требования истца нормы главы 59 ГК РФ о внедоговорном причинении вреда, пришла к выводу, что действия ООО «Магадан-Тест» являются причиной убытков истца, абсолютное право которого нарушено поведением общества, и, отменив постановления судов второй и третьей инстанций, оставила решение в силе.

Решение схожего вопроса в иных правопорядках

Фабула рассматриваемого дела, очищенная от национальной и публично-правовой специфики, представляет собой классический случай дела о неверном заявлении (*misstatement*), которые обычно изучаются в рубрике чистых экономических убытков². Основными областями, в которых встречается взыскание убытков за неверные заявления, считаются следующие: финансовая отчетность (бухгалтера, аудиторы, рейтинговые агентства), технические отчеты (состояние недвижимо-

² Дела о неверных заявлениях традиционно включаются в рубрику «чистые экономические убытки». В литературе отмечается, что группа «чистые экономические убытки», по существу, образована по негативному критерию (отсутствие нарушения абсолютного права либо отсутствие физического вреда), вследствие чего в нее попадают весьма различные жизненные ситуации. Есть сомнения, что все эти ситуации, сгруппированные по негативному критерию, должны регулироваться похожими правилами (см.: *Feldthusen B. Liability for Pure Economic Loss: Yes, but Why? // University of Western Australia Law Review. 1999. Vol. 28. P. 120*).

сти), отчеты об оценке, отчеты о подлинности картин. Оставляя в стороне многочисленные ситуации чистых экономических убытков, не связанные с неверными заявлениями, можно сказать, что европейские суды не исключают взыскания убытков, причиненных такими заявлениями, но относятся к таким требованиям с определенной настороженностью.

Как известно, во французском праве противоправность как нарушение абсолютного права не выделяется; во Франции всякий причиненный вред подлежит возмещению (принцип генерального деликта)³. По этой причине ответственность специалистов, экспертов и др. за небрежные заключения применяется в широком круге ситуаций; ответственность наступает по правилам о деликте (ст. 1382 ФГК до перенумерации). Так, ассоциация, осуществляющая трудоустройство (видимо, отдаленный аналог биржи труда), на собрании работников организации сообщила им, что уволиться быстрее выгоднее, чем ждать увольнения. Один из работников так и сделал, однако его выгоды от быстрого увольнения оказались меньше, чем ожидалось. Работник обратился с иском к ассоциации о возмещении вреда. Апелляционный суд в иске отказал, так как работник имел возможность сообщить детали своего трудоустройства и тогда получил бы верный совет. Кассационный суд решение апелляционного суда отменил, направил на новое рассмотрение, поскольку ассоциация действовала виновно, сообщив неполную информацию⁴.

Во Франции отсутствуют препятствия к взысканию покупателями и акционерами убытков с аудиторов, не обнаруживших ошибок в отчетности. Вместе с тем суды достаточно часто отмечают, что покупатель мог проверить возможные к приобретению финансовые инструменты иным образом (вина потерпевшего) или что аудитор был введен в заблуждение менеджментом, что исключает вину аудитора. В случаях такого рода в иске к аудитору отказывают⁵.

В отличие от французского, немецкое право не признает принципа генерального деликта. Само по себе причинение вреда не дает основания для возмещения, однако закон устанавливает случаи компенсируемости причиненного вреда, из которых наиболее важны следующие:

- 1) нарушено абсолютное право истца — собственность, жизнь, здоровье, «право на коммерческое предприятие» (абз. 1 § 823 ГГУ);
- 2) вред причинен нарушением нормы права, имеющей защитный эффект для истца: например, вред, причиненный новым кредиторам банкротства в связи с тем, что директор не подал вовремя заявление о банкротстве юридического лица, взыскивается с директора, поскольку норма об обязанности директора своевременно по-

³ См.: *Евстигнеев Э.А.* Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения // Вестник гражданского права. 2017. № 4. С. 45–83; № 5. С. 55–84.

⁴ См.: *Digest of European Tort Law. Vol. 3: Essential Cases on Misconduct* / ed. by B. Winiger, E. Karner, K. Oliphant. Berlin, 2018. P. 285.

⁵ См.: *Pure Economic Loss in Europe* / ed. by M. Bussani, V.V. Palmer. Cambridge, 2003. P. 453.

дать заявление о банкротстве юридического лица была истолкована так, что она имеет защитный эффект в пользу кредиторов, которые появились у юридического лица после того, когда директор должен был подать заявление о банкротстве (абз. 2 § 823 ГГУ);

- 3) вред причинен способом, противным добрым нравам, чаще всего умышленно (§ 826 ГГУ).

Чистые экономические убытки, вызванные неверным заявлением, как правило, не могут взыскиваться по правилу абз. 1 § 823 ГГУ, поскольку небрежный совет не нарушает абсолютное право истца. Однако абз. 2 § 823 и § 826 в ряде случаев могут дать основание для взыскания вреда, причиненного некорректным советом, и по праву Германии.

Поскольку эти правила очень жесткие, немецкие суды выработали способ справедливого решения вопроса средствами договорного права. Из конструкции договора в пользу третьего лица⁶ была выработана идея договора с защитным эффектом для третьего лица (*Vertrag mit Schutzwirkung zugunsten Dritter*): договор (например, юридического лица с его аудитором) гипотетически может обладать защитным эффектом не только для заказчика, но и для третьих лиц, которые могут положиться на подготовленное во исполнение этого договора заключение. Суды выработали изощренную систему критериев определения лиц, в пользу которых «договорный зонтик» действует⁷.

Можно привести следующие дела о неверных заявлениях в Германии. Эксперт-строитель по заказу продавца подготовил отчет о строительном состоянии и стоимости здания. Продавец использовал этот отчет для продажи дома покупателю. Ответственность продавца перед покупателем была ограничена. В последующем в здании выявились серьезные дефекты. Покупатель обратился с иском к эксперту-строителю. Верховный суд ФРГ пришел к выводу, что покупатель находится в пределах «защитного зонтика» договора продавца и эксперта-строителя (при этом договор был квалифицирован как имеющий защитный эффект для покупателя), и признал право на взыскание убытков⁸. В другом деле аудитор по заказу потенциального заемщика готовил заключение, зная, что заключение будет показано потенциальному заимодавцу. Суд счел, что аудитор, знавший о цели использования аудита (предъявление заимодавцу), действовал грубо небрежно или даже с косвенным умыслом, вследствие чего констатировал возможность взыскания убытков по § 826 ГГУ (вред, причиненный способом, противным добрым нравам)⁹.

⁶ Первоначально для преодоления положений ГГУ, не связанных с ограничением возмещения чистых экономических убытков.

⁷ См.: Бибикова Е.В. Договор в пользу третьего лица в российском и европейском частном праве (сравнительно-правовой обзор) // Договоры и обязательства: сб. работ выпускников РШЧП / сост. и отв. ред. А.В. Егоров и А.А. Новицкая. Т. 1: Общая часть. М., 2018. С. 98–99.

⁸ См.: Markesinis B., Unberath H. The German Law of Torts. A Comparative Treatise. London, 2002. P. 280.

⁹ Ibid. P. 292.

В Австрии взыскание убытков, причиненных неверным заявлением, в принципе допускается; вместе с тем в случае, когда покупатель попытался взыскать убытки, причиненные ошибочной оценкой картины как подлинной, Верховный суд Австрии отметил, что деятельность и по покупке, и по оценке картин является рискованной: ни один заказчик не может полагаться на то, что исполнитель сможет со стопроцентной вероятностью определить оригинальность картины¹⁰.

В английском праве действует система партикулярных деликтов. Для случаев неверных заявлений применяется *tort of negligence* (деликт из небрежности). Важным его элементом является условие наличия *duty of care* (обязанность проявить заботу). Английские суды считают, что ответчик может быть как угодно небрежен в отношении лиц, о которых он не должен проявлять заботу. Примером является случай, когда английский полицейский не установил знак о том, что дорога заканчивается обрывом: в Англии считается, что *duty of care* государства по установке информационных дорожных знаков не охватывает убытки, которые могут быть причинены водителям отсутствием информационного дорожного знака¹¹.

Методологию использования *duty of care* применительно к делам о неверных заключениях можно проследить на следующих примерах. Английские суды решили, что аудиторы не несут *duty of care* ни в отношении потенциальных покупателей акций, ни в отношении акционеров. Примечательно, что подход, сформировавшийся в Англии в общем виде (ограниченное понимание *duty of care*), не прижился в других правовых системах, производных от английского права (Канада, Новая Зеландия); хотя и в этих странах отношение к ответственности аудитора осторожное по мотиву неопределенности круга истцов и безграничности ответственности¹². Так, по одному из рассмотренных канадским судом дел аудитор знал, что его отчет нужен для предоставления займа. Заимодавец смог взыскать убытки с аудитора за неверное заключение, в качестве обоснования было указано знание аудитора о том, что отчет будет предоставляться для получения финансирования¹³.

Из приведенного выше обзора видно, что исходная точка реакции правового порядка на чистые экономические убытки не является фактором, предопределяющим решение о взыскании убытков, причиненных недостоверным заявлением. Несмотря на либеральный подход французского права, причинно-следственная связь в состоянии блокировать решения о взыскании вреда за неверные заявления, где судам это представляется уместным; узко сформулированные правила ГГУ не препятствуют судам принимать решения о взыскании.

¹⁰ См.: *Koziol H.* Pure Economic Losses in European Union // *Arizona Law Review*. 2006. Vol. 48. P. 895.

¹¹ *The Liability of Public Authorities in Comparative Perspective* / ed. by K. Oliphant. Cambridge, 2016. P. 870.

¹² *Dam C., van.* *European Tort Law*. 2nd ed. Oxford, 2013. P. 213.

¹³ См.: *Feldthusen B.* Hedley Byrne. Misused, then Exiled by the Supreme Court of Canada // *The Law of Misstatements. 50 Years on from Hedley Byrne v Heller* / ed. by K. Barker et al. Oxford, 2015. P. 264. См. также к развитию подхода к ответственности аудитора в Канаде: *Deloitte & Touche v. Livent Inc. (Receiver of)*, 2017 SCC 63.

Выбор модели Верховным Судом РФ

Было ли в настоящем деле нарушено абсолютное право истца? Интересен диалог между кассационными судами. Окружной суд отметил, что «переданное по договору лизинга имущество находится у истца», очевидно, намекая на то, что истец остался собственником спорной вещи (металлолома, который по ошибке считали грузовиком). Верховный Суд, кажется, обозначает иное решение: он указывает, что действия ООО «Магадан-Тест» «с очевидностью способствовали нарушению абсолютного права покупателя и возникновению у него убытков». Маловероятно, чтобы ВС РФ имел в виду концепцию абсолютного права на право требования — похоже, речь шла о праве собственности.

При обсуждении этого вопроса можно провести параллель с картиной, оцененной экспертом как подлинной и оказавшейся подделкой: у покупателя картина как была, так и осталась, ее никто не повреждал. Правильно ли называть нарушением абсолютного права то, что определенный круг лиц ранее считал картину подлинной, а потом стал считать ее подделкой? Вероятнее всего, нет.

Ситуация невозможности использования автомобиля на дорогах общего пользования мало отличается от случая с картиной: приобретенную покупателем вещь в действительности никогда нельзя было использовать на дорогах общего пользования, она изначально была металлоломом. Право собственности истца на металлолом осталось в неприкосновенности.

Поэтому думается, что в этом вопросе более точной является позиция Арбитражного суда Поволжского округа. Более того, как представляется, Верховный Суд с этим подходом в итоге согласился: он оставил в силе решение суда первой инстанции, взыскавшего убытки в размере разницы между лизинговыми платежами и стоимостью годных остатков. Но суд первой инстанции, очевидно, исходил из верной посылки о том, что годные остатки находятся в собственности истца.

Несмотря на эту допущенную Верховным Судом, как кажется, неточность, это не влияет на итоговый анализ дела: как и в большинстве дел с небрежным советом, речь может идти о ненадлежащем исполнении продавцом своего обязательства перед покупателем-истцом (поддельная картина вместо настоящей, дешевые акции вместо дорогих), следствием чего могут быть неблагоприятные последствия в имущественной сфере истца, но говорить о нарушении права собственности ИП Федорова В.А. в деле затруднительно. Ссылка ВС РФ на нарушение абсолютного права истца может быть рассмотрена лишь как дань традиции увязывать причинение вреда с нарушением абсолютного права. Но в целом Верховный Суд склонился к модели генерального деликта, к которой тяготеет и формулировка ст. 1064 ГК РФ. Это решение заслуживает поддержки: узкий подход, по общему правилу требующий нарушения абсолютного права истца, привел немецкое право к необходимости создания нескольких способов обхода этого правила, приживаемость которых в российском праве сомнительна¹⁴.

¹⁴ См.: Коциоль Х. Блеск и нищета немецкой цивилистической догматики. Немецкое право — пример для Европы? // Вестник гражданского права. 2012. № 6. С. 227–288.

Соотношение договорного и деликтного требований

Комментируемое определение ставит вопрос, который неизбежно возникает при возмещении убытков, причиненных недостоверным заявлением: как соотносятся требования к контрагенту, предоставившему дефектное исполнение, и к третьему лицу, давшему недостоверное заверение?

Интересна здесь позиция апелляционного и окружного судов: рассматривая дела, они тщательно исследовали, доступно ли истцу какое-либо договорное требование. Особенного внимания заслуживает взгляд первой кассации: Арбитражный суд Поволжского округа по существу указал, что раз истцу доступно договорное требование в связи с передачей дефектной машины, то отсутствует причинно-следственная связь между неверной сертификацией грузовика и убытками истца.

Это рассуждение кассационного суда, как кажется, вызвано следующей проблемой. В 2013 г. Президиум ВАС РФ рассматривал не особенно примечательное дело, в котором заказчику был причинен вред вследствие неправильного ремонта подрядчиком печки. Суды нижестоящих инстанций, не вдаваясь в вопрос о том, взыскивается договорный или внедоговорный вред, в иске отказали, ссылаясь на стандартную для того времени фразу о том, чего не доказал истец. Президиум ВАС РФ решение и два постановления отменил, направил дело на новое рассмотрение, указав среди прочего на различие договорной и внедоговорной ответственности. В его постановлении содержалась следующая фраза: «В случае если вред возник в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения договорного обязательства, нормы об ответственности за деликт не применяются, а вред возмещается в соответствии с правилами об ответственности за неисполнение договорного обязательства или согласно условиям договора, заключенного между сторонами»¹⁵.

Смысл этой фразы применительно к обстоятельствам того дела вполне понятен: если между сторонами есть договор, то вред, причиненный в результате неисполнения договора, покрывается договорной ответственностью и не регулируется главой 59 ГК РФ; эта позиция для советского и российского права вполне традиционна¹⁶.

Неожиданным следствием из этой фразы стало распространение ее на ситуации, когда, например, вещь, переданная хранителю, уничтожена действиями третьего лица: фраза Президиума ВАС РФ, очевидно рассчитанная на разрешение вопроса о квалификации требования одного истца к одному ответчику, почему-то стала применяться к случаям, когда у одного истца имеются требования к двум ответчикам: договорному и деликтному. Из нее стало выводиться, что наличие требо-

¹⁵ Постановление Президиума ВАС РФ от 18.06.2013 № 1399/13.

¹⁶ См.: *Грибанов В.П.* Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей // *Он же.* Осуществление и защита гражданских прав. М., 2001. С. 285–356 (часть IV со ссылкой на постановление Пленума ВС СССР от 23.10.1963 «О судебной практике по искам о возмещении вреда»); *Смирнов В.Т., Собчак А.А.* Общее учение о деликтных обязательствах. Л., 1983. С. 99.

вания к договорному должнику исключает предъявление деликтного требования о компенсации того же интереса к правонарушителю, не состоявшему с истцом в относительных правоотношениях¹⁷.

Верховный Суд, очевидно, эту позицию отверг: само по себе то обстоятельство, что должник мог предъявить требование к контрагенту по договору, не исключает возможности предъявления деликтного требования к лицу, сделавшему недостоверное заявление (применительно к обстоятельствам комментируемого дела). Этот подход ВС РФ, как представляется, находится в русле современных исследований о солидарности как способе регулирования ситуации стечения требований¹⁸ и заслуживает поддержки.

Оценка принятого решения

В отечественной литературе уже частично приводилась предложенная в сравнительно-правовой литературе система «мягких» критериев, которые могут помочь суду, рассматривающему похожее на комментируемое дело, принять справедливое решение¹⁹. Применение этих десяти «заповедей» к рассматриваемой фактуре привело бы к следующему результату:

- 1) опасение против взыскания чисто экономических убытков потенциально широким и неопределенным кругом истцов к рассматриваемому делу неприменимо, поскольку здесь сертификат был выдан на единичное изделие; в один момент времени потерпевший может быть только один;
- 2) чрезмерное ограничение свободы (в широком смысле) причинителя, вследствие чего он был бы излишне предусмотрителен, в деле ООО «Магадан-Тест» усмотреть сложно: в силу нормы публичного права сертифицирующий орган и так обязан качественно проверять экологический класс, поэтому в рамках настоящего дела никакая дополнительная обязанность, помимо уже существующей и четко описанной в законе, на нарушителя возложена не была;
- 3) некоторая сложность может быть с предлагаемым Г. Коциолем критерием, в силу которого чем ближе отношения между истцом и ответчиком, тем оправданнее взыскание убытков; вместе с тем в этом деле истец является, по сути, первым лицом, использующим транспортное средство, чрезмерная отдаленность убытков отсутствует;

¹⁷ См., напр.: постановление АС Уральского округа от 16.11.2015 № Ф09-8031/15 по делу № А07-19206/2014.

¹⁸ См.: *Тололаева Н.В.* Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

¹⁹ См.: *Лугманов Р.Р.* Деликтное право как способ взыскания чисто экономических убытков // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 2. С. 151; также: *Koziol H.* Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. Wien: Jan Sramek Verlag KG, 2012. P. 199.

- 4) важным представляется критерий, в силу которого чем выше вероятность того, что другие будут руководствоваться неверным утверждением, тем более оправданно взыскание. В комментируемом деле этот критерий однозначно свидетельствует в пользу взыскания: сертифицирующий орган — единственная организация, которая проверяет соответствие транспортного средства ограничениям по выбросам. Никакой разумный покупатель не будет перепроверять сертифицированное транспортное средство;
- 5) сложность для потерпевшего обезопасить себя от убытков в этом деле также свидетельствует в пользу удовлетворения иска: собственник транспортного средства никак не может его исправить; представляется неразумным возлагать на покупателя обязанность перепроверки произведенной сертификации;
- 6) важно, насколько экономический интерес потерпевшего очевиден для причинителя; в настоящем деле сертифицирующий орган может быть уверен, что транспортное средство, которое он сертифицирует, кто-то приобретет, а значит, если сертификация окажется неверной, потерпит вред;
- 7) Г. Коциоль указывает, что чем яснее очерчен экономический интерес для нарушителя, тем оправданнее взыскание. Интерес покупателя в возмещении убытков в размере стоимости неверно сертифицированной вещи очевиден (в отличие от, например, более отдаленных интересов в извлечении прибыли — впрочем, они тоже были признаны в Верховном Суде, но на уровне отказного определения²⁰);
- 8) если нарушитель действовал умышленно, то взыскание убытков более оправданно. В рассматриваемом деле если не умысел, то грубая небрежность сертифицирующего органа может считаться установленной;
- 9) если финансовый интерес для типичной жертвы значителен, то взыскание более оправданно. Этот критерий не свидетельствует ни за, ни против взыскания: интерес потерпевшего не так велик, как, например, получение содержания иждивенцем на случай потери кормильца, но больше, чем приводимый Г. Коциолем как пример менее значительного интереса в получении дохода;
- 10) если причинитель действовал в своих финансовых интересах, то взыскание убытков более оправданно. Причинитель оказывал услуги по сертификации, очевидно, возмездно.

Анализ перечисленных критериев свидетельствует о том, что дело, попавшее на рассмотрение Верховного Суда, является практически рафинированным: ни один из предложенных Г. Коциолем критериев не говорит против взыскания, а некоторые убедительно свидетельствуют в его пользу. Это, как представляется, дает возможность оценить комментируемое определение как принципиально совершенно правильное и при этом оставляющее достаточный простор для развития последующей практики по более тонким вопросам.

²⁰ См.: определение ВС РФ от 05.07.2017 №303-ЭС17-8962.

Некоторые частные вопросы

Ознакомление с судебными актами ставит вопрос — который Верховный Суд едва ли должен был разрешать — о правильности определения судом первой инстанции размера вреда. Вывод эксперта о том, что транспортное средство изначально представляло собой груды металлолома, состоящего из бывших в употреблении запасных частей, представляется сомнительным. В целом подход эксперта, настойчиво делающего вывод о причинении убытков истцу (т.е. решающего правовой вопрос, который суд перед экспертом, разумеется, не ставил), создает определенное напряжение; однако стороны о назначении повторной экспертизы не ходатайствовали.

Также может возникнуть вопрос по поводу износа автомобиля. При определении размера убытков судом первой инстанции, как представляется, могло быть учтено следующее. Истец пользовался автомобилем в период с 20.03.2012 по 04.04.2015. Хотя сертификат изначально был выдан незаконно, до 04.04.2015 неправомерные действия по его выдаче, судя по всему, не причиняли убытков истцу. Убытки в виде полной невозможности пользования автомобилем (аналогия с гибелью вещи) наступили в отношении трехлетнего, а не нового автомобиля. Следовательно, вопрос, который должен был быть решен в рамках судебной экспертизы, состоит в стоимости аналогичного купленному, но сертифицированного (отвечающего заявленному экологическому классу) трехлетнего автомобиля на момент предъявления иска или на момент вынесения решения (п. 3 ст. 393 ГК РФ). Стороны своим правом на доказывание стоимости трехлетнего автомобиля, по всей видимости, не воспользовались. Однако с точки зрения компенсаторной природы ответственности определение размера вреда как стоимости трехлетнего автомобиля представляется несколько более точным. Альтернативно ответчик мог бы ставить вопрос о вычете из уплаченных лизингополучателем сумм стоимости пользования автомобилем (пусть неверно сертифицированного, но фактически использовавшегося), пока такое пользование продолжалось, однако и такой вариант подсчета Верховному Суду был по процессуальным причинам недоступен. С учетом правила о возмещении вреда с разумной степенью достоверности и распределения полномочий между судами различных инстанций оставление в силе решения суда первой инстанции представляется верным.

References

- Bibikova E.V.* Contract in Favour of a Third Party in Russian and European Law (A Comparative Account) [*Dogovor v polzu tret'ego litsa v rossiiskom i evropeiskom chastnom prave (sravnitelno-pravovoi obzor)*], in: Egorov A.V., Novitskaya A.A., eds. *Contracts and Obligations: Collection of Works of Graduates of Russian School of Private Law. Vol. 1: General Part [Dogovory i obyazatelstva: sb. rabot vypusnikov RShChP. T. 1: Obschaya chast']*. Moscow, Issledovatel'skiy tsentr chastnogo prava im. S.S. Alekseeva pri Prezidente RF, 2018. P. 75–143.
- Bussani M., Palmer V.V., eds.* *Pure Economic Loss in Europe*. Cambridge, CUP, 2003. 576 p.
- Dam C., van.* *European Tort Law*. 2nd ed. Oxford, OUP, 2013. 656 p.
- Evstigneev E.A.* Law of Tort: Current State and Prospects of Application [*Printsip general'nogo delikta: sovremennoe sostoyanie i perspektivy primeneniya*]. *Civil Law Review [Vestnik grazhdanskogo prava]*. 2017. No. 4. P. 45–83; No. 5. P. 55–84.
- Feldthusen B.* Liability for Pure Economic Loss: Yes, but Why? *University of Western Australia Law Review*. 1999. Vol. 28. P. 84–120.
- Feldthusen B.* Hedley Byrne. Misused, then Exiled by the Supreme Court of Canada, in: Barker K. et al., ed. *The Law of Misstatements. 50 Years on from Hedley Byrne v. Heller*. Oxford, Hart Publishing, 2015. P. 261–290.

- Gribanov V.P. Responsibility for Violation of Civil Rights and Obligations [*Otvetstvennost' za narushenie grazhdanskikh prav i obyazannostei*], in: Gribanov V.P. Exercise and Protection of Civil Rights [*Osuschestvlenie i zaschita grazhdanskikh prav*]. Moscow, Statut, 2001. P. 285–356
- Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. Wien, Jan Sramek Verlag KG, 2012. 406 p.
- Koziol H. Pure Economic Losses in European Union. *Arizona Law Review*. 2006. Vol. 48. P. 871–896.
- Koziol H. The Glitter and Poverty of German Civil Dogmatics. Is German Law a Model to Follow for Europe? [*Blesk ii nischeta nemetskoj tsivilisticheskoi dogmatiki. Nemetskoe pravo — primer dlya Evropy?*]. *Civil Law Review [Vestnik grazhdanskogo prava]*. 2012. No. 6. P. 227–288.
- Lugmanov R.R. Tort Law as a Means of Recovering Purely Economic Losses [*Deliktnoe pravo kak sposob vzyskaniya chisto ekonomicheskikh ubytkov*]. *The Herald of Economic Justice of the Russian Federation [Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoi Federatsii]*. No. 2. P. 115–153.
- Markesinis B., Unberath H. *The German Law of Torts. A Comparative Treatise*. London, Hart Publishing, 2002. 1114 p.
- Oliphant K., ed. *The Liability of Public Authorities in Comparative Perspective*. Cambridge, Intersentia, 2016. 888 p.
- Smirnov V.T., Sobchak A.A. *The General Doctrine of Obligations in Tort [Obschee uchenie o deliktnykh obyazatelstvakh]*. Leningrad, Izdatelstvo Leningradskogo universiteta, 1983. 152 p.
- Tololaeva N.V. *Passive Joint and Several Obligations: The Russian Approach and the Continental European Tradition: A PhD Thesis in Law [Passivnye solidarnye obyazatelstva: rossijskiy podkhod i kontinentalno-evropeiskaya traditsiya: dis. ... kand. yurid. nauk]*. Moscow, 2017. 174 p.
- Winiger B., Karner E., Oliphant K., eds. *Digest of European Tort Law. Vol. 3: Essential Cases on Misconduct*. Berlin, De Gruyter, 2018. 1277 p.

Information about the author

Alexander Yagelnitskiy — Associate Professor at the Civil Law Department of Lomonosov Moscow State University, Master of Jurisprudence (Russian School of Private Law), PhD in Law (e-mail: a.yagelnitskiy@yahoo.com).